

РУССКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ХРЕСТОМАТИЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

2-е издание, исправленное и дополненное

Составитель — **О. Б. Ионайтис**

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2016

УДК 101(075.8)
ББК 87.3(2)я73
P89

Составитель:

Ионайтис Ольга Борисовна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента Б. Н. Ельцина.

Рецензенты:

Семаева И. И. — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;

Мазаева О. Г. — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой истории философии и логики Томского государственного университета.

Русская средневековая философия. Хрестоматия : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / сост., коммент., вступ. ст. О. Б. Ионайтис. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 250 с. — Серия : Бакалавр и магистр. Модуль.

ISBN 978-5-9916-8181-0

В учебном пособии представлены фрагменты сочинений русских средневековых мыслителей XI—XVII вв. Впервые дана столь широкая панорама всех направлений философского дискурса в средневековой Руси. В комментаторских статьях освещается творчество рассматриваемых авторов и сюжетов текстов, даются библиографические справки.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям, а также аспирантов, преподавателей философского факультета и всех интересующихся развитием философской мысли в России.

УДК 101(075.8)
ББК 87.3(2)я73

Delphi Law Company

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-9916-8181-0

© Ионайтис О. Б., сост., коммент.,
вступ. ст., 2010
© Ионайтис О. Б., сост., коммент.,
вступ. ст., 2016, с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского	9
Иларион, митрополит Киевский	16
Феодосии Печерский.....	23
Изборник 1076 года.....	27
Нестор Летописец.....	30
Владимир Всеволодович Мономах.....	40
Никифор, митрополит Киевский	48
Кирик Новгородец.....	52
Даниил Заточник	54
Климент Смолятич, митрополит Киевский	60
Кирилл, епископ Туровский	65
Пчела	77
Киево-Печерский патерик	84
Палея Толковая	87
Серапион, епископ Владимирский	94
Житие Авраамия Смоленского	99
Слово о лживых учителях.....	106
Галеново на Гиппократе.....	109
Физиолог.....	111
Нил Сорский.....	115
Иосиф Волоцкий (Иван Санин).....	125
Филофей Псковский	132
Вассиан Косой (Василий Иванович Патрикеев).....	134
Максим Грек (Михаил Триволис).....	138
Даниил, митрополит Московский	156
Федор Карпов.....	158
Андрей Михайлович Курбский	163

Иоанн Васильевич IV (Иван Грозный)	175
Великие Минеи Четьи.....	183
Иван Семенович Пересветов	187
Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца.....	190
Юрий Крижанич	194
Аввакум Петров, протопоп	210
Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович Петровский- Ситнианович).....	213
Афанасий, архиепископ Холмогорский.....	223
Андрей Христофорович Белобоцкий.....	228
Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский (Даниил Саввич).....	233
Указатель имен	246
Указатель названий сочинений.....	248

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Как и почему волнуют нас — то какой-то меланхолической и глубокой правдой, то радостной простотой, то наивной роскошью — эти иконы, дарохранительницы красоты, любви, смирения, мудрости, ковчеги забытых идей, потерянной веры, утраченных или омертвевших молитв!»¹ Такие или почти такие вопросы задавал себе, наверное, каждый человек, встречаясь с произведениями искусства или вчитываясь в сочинения книжников средневековой Руси.

Ни один из периодов истории русской философии не вызывает столько споров, не имеет столько различных оценок, как средневековый. Это вполне понятно и объяснимо. Рассматриваемый период в истории формирования и развития отечественной философской мысли важен в научном отношении как этап становления основных идей, национальных особенностей и проблемного поля русской философии. И от того, какую концептуальную позицию займет историк философии в анализе и оценке этого периода, будут во многом зависеть его представления о других этапах истории русской философии.

Обратившись к отечественной философии допетровского периода, опираясь на уже известные источники, мы не можем назвать ее «предысторией». Как древнерусскую иконопись наивно представлять примером примитивной предыстории русской живописи Нового времени, так и русскую средневековую философию неправомерно определять лишь как пролог отечественной философии последующих периодов. Это был первый начальный основополагающий период, когда были заложены традиции, выработана терминология, оформились статус и место философии в культуре, был создан массив памятников, озвучили свои концепции выдающиеся мыслители средневековой Руси.

Поэтому обращение к русской средневековой философии является вполне закономерным как в курсе по истории отече-

¹ *Пушкин Н.* Заметки об иконах // Русская икона. СПб., 1914. Сб. 1. С. 21.

ственной философии, так и в целом при изучении истории мировой философской мысли. Проникнуть же в самую суть философских исканий средневековых книжников возможно только через прочтение текстов, ими созданных.

В предлагаемом вниманию читателя издании впервые представлена столь широкая палитра сочинений отечественных мыслителей и переводных текстов, получивших значительное распространение в русской средневековой культуре и оказавших влияние на формирование и эволюцию русской философской мысли XI—XVII вв.

Данное учебное пособие включает тексты сочинений отечественных мыслителей, соответствующие первой — шестой темам курса «История русской философии» и действующей программы дисциплины «История русской философии», а также ряда тем программ дисциплин «Философия науки в России» и «Философия языка в России».

Многие из предлагаемых ко вниманию текстов ранее были опубликованы в различного рода специальных хрестоматиях и антологиях или изданы были давно и стали труднодоступными раритетами, что затрудняет знакомство с ними студентов и заинтересованных читателей. Решению этой проблемы служит данное учебное пособие.

Материалы издания выстраиваются по исторической хронологии, а именно — по датам жизни авторов. В эту же схему и по той же логике включены тексты, чье авторство неизвестно. У читателя неизбежно возникнет вопрос в связи с полифонией представленных источников. Нужно отметить тот факт, что источники, по которым возможно проследить развитие русской средневековой философии, отличаются значительным многообразием. В целом их можно разделить на две группы текстов. Это прежде всего сочинения с явно выраженной философской проблематикой. Например, «О философии внимай разумно, да не погресишь» митрополита Даниила. Ко второй группе источников относятся многочисленные произведения с морально-назидательной направленностью, сочинения публицистического характера, космологические, естественнонаучные, лексикографические и другие, непосредственно примыкающие

к философской литературе и содержащие философскую проблематику. Например, «Повесть временных лет» Нестора Летописца, «Учение о числах» Кирика Новгородца, «Шестоднев» Афанасия Холмогорского. Будучи памятниками летописными, агиографическими, эпистолярными, они содержат философскую терминологию, излагают философские концепции прошлого и настоящего, что свидетельствует о распространении философских представлений в различных сферах сознания общества. Так, в «Повести временных лет» используется философская терминология, раскрываются своеобразная морально акцентированная философско-историческая концепция, учения философов прошлого (гностики Симона и Менандра, неопифагорейца Аполлония Тианского и многих других).

Отдельно следует сказать о переводных текстах, получивших распространение в средневековой Руси. Переводная литература, вследствие «ансамблевого характера» средневековой литературы (Д. С. Лихачев), постепенно входила в состав национальной. Переводчики же зачастую выступали соавторами, дописывая переводимые тексты и корректируя их. Поэтому слово «написал» употреблялось по отношению и к авторскому тексту, и к переводу. Русские книжники как полноправные представители средневековой культуры, высоко ценившие традицию, не стремились изобретать уже изобретенное, и тогда, когда их взгляды совпадали с хорошо известными концепциями византийцев, использовали их формулировки как свои собственные. Мыслители этого времени исходили из следующей гносеологической установки: они воспринимали себя не творцами нового, а истолкователями «вневременной истины». Подобная установка вела к определенному стиранию грани между автором и переводчиком, автором и читателем. Для Средневековья было важно то, что идея высказывалась и поддерживалась мыслителями, воспринималась как их собственная и получала дальнейшее развитие. Поэтому некоторые сочинения были принципиально анонимны, а некоторые принципиально «получали» авторитетное авторство, которое должно было удостоверить значимость истин, излагаемых в них. Указанные факты дают возможность переведенные и широко распространенные на Руси сочинения византийских мыслителей

включать в общий комплекс текстов по истории развития русской средневековой философии. В нашем учебном пособии переводные тексты включены в общую хронологическую схему в соответствии со временем их перевода и распространения на Руси.

Большая часть текстов дана в отрывках или в сокращении, что объясняется желанием сконцентрировать материал и дать более полное представление об эпохе в целом. Но структура воспроизводимого произведения сохраняется неизменной.

Публикуемые тексты сопровождаются краткими библиографическими справками (данные об авторе или тексте, указания на другие издания сочинений, список комментаторской и исследовательской литературы). Для удобства пользования пособием даны указатели имен авторов и названий сочинений.

Материалы, собранные в учебном пособии, призваны помочь студентам и всем, кто интересуется русской средневековой философией, составить достаточно полное представление о содержании, основных направлениях философских исканий отечественных мыслителей Средневековья. И тогда, возможно, мы приблизимся к ответу на вопрос о том, почему человека XXI столетия волнуют проблемы, обсуждаемые в сочинениях средневековых книжников.

Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского (Конец IX — начало X в.)

Переводной текст, возникший в Болгарии в конце IX — начале X в. Уже в XI в. становится известен русским книжникам.

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского оказал значительное влияние на развитие отечественной философской мысли, нашел отражение, например, в сочинениях Владимира Мономаха, митрополита Никифора, в «Толковой Палее».

Первая книга Библии — «Бытие» — очень лаконична, поэтому богословы и философы стремились дать расширенное толкование космогенеза. Известно около 125 Шестодневов разных авторов. Иоанн экзарх Болгарский был близок к Преславскому центру, который отличался кирилло-мефодиевской ориентацией. В его Шестодневе сказались влияние антиохийской (Георгий Писидя, Феодорит Кирский, Севериан Габальский) и каппадокийской (Василий Великий, Иоанн Филоппон) традиций. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского — оригинальное сочинение, в котором влиятельные в христианском мире источники дополняются идеями самого Иоанна. Через его изучение русские книжники входили в общий ареал славянской культуры.

ТЕКСТЫ

Баранкова Г. С. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Г. С. Баранкова, В. В. Мильков. СПб., 2001.

Из «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 184—195.

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского // V Слово. М., 1996.

СПИСОК РЕКОМЕНДУМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Баранкова Г. С. К текстологическому и лингвистическому изучению «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского / Г. С. Баранкова // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973. С. 172—215.

Ионайтис О. Б. Византия и Русь: развитие философских традиций / О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 2002.

Ионайтис О. Б. Неоплатонизм в русской средневековой философии / О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 2003.

Ионайтис О. Б. Русская средневековая философия и византийские традиции / О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 1999.

Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе / Д. С. Лихачев. Л., 1986.

Сарафанова-Демкова Н. С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума / Н. С. Сарафанова-Демкова // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 19. Л., 1963. С. 367-372.

Слово шестого дня¹

... Когда я, видя небо, украшенное звездами, солнцем и луной, землю — травой и деревьями, море — всяческим рыбами, жемчугом и руном пиинов, дохожу до человека, то как бы теряю ум, восхищаясь, и не могу додуматься, как в столь малом теле может быть заключена такая мысль, которая, обойдя всю землю, поднимается выше небес. Где закреплен (привязан) тот ум? Как может он, исходя из тела, проходить все покровы и миновать воздух, облака, солнце, месяц, все звездные пояса, эфир и все небеса и в тот же момент находиться в своем теле? На каких крыльях он взлетает, каким путем прилетает — не могу уследить за этим. И только то и знаю, что сказать вместе с Давидом: «Дивно для меня ведение Твое — высоко, не могу постигнуть его», «Ибо Ты возвеселил меня, Господи, творением твоим, и делами рук Твоих возрадуюсь». «Как возвеличились дела Твои, Господи, Все сделал Ты премудро».

Начало. «И сказал Бог. сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и да владычествует он над рыбами морскими и птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми пресмыкающимися, что ползают по земле». Пойми и ты, человек, и удивись тому, как Бог, дойдя до создания человека по своему подобию, раскрыл наилучшим образом единство Божественной сущности и неделимость триединой природы (трех Лиц). В малых словах дал он человеческому племени истинное понимание непознаваемого и непостижимого Божества. Когда Он сотворил небо и землю, то ничего не говорил, потому что все это было создано прежде человека, но когда хотел создать человека, тогда сказал так: «Сотворим человека», раскрыв единство Божества в трех Лицах. И не было при первом творении

¹ Извлечения из кн.: *Баранкова Г. С. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 786—824.*

такого достойного создания как человек. Тут было уместно и правильно привести высказывание, разъясняющее, что Он хотел его создать по Своему образу. И потому когда Он создал его и завершил до конца его природу, то еще прибавил, сказав: «И сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его». И это сказано пророком Давидом через Святой Дух, когда он, беседуя, явно назвал именами три Божественных Лица, творящих небесные высоты и [их] могущество и все сущее на них, то есть ангельское [воинство]. Ибо сказано: «Словом Господа созданы небеса, и духом уст Его – вся сила их»...

...Обратим же здесь свое внимание, почему Он, просто пожелав, вывел из небытия в бытие это великое и без меры широкое, движущееся по кругу тело небесного величия (небесное величественное тело) и небесные светила, которые положены на нем, и все бесчисленные звезды, укрепленные в середине, сотворил же еще и землю, и море, и все то, что получило (восприняло) свое бытие и от неба, и от земли, а когда Он захотел создать человека, то нуждался в совете и помощи Своих рук? И, взяв прах, создал из него тленную форму того живого существа, которому дал простой образ. Ибо он [человек] прост [по виду] и при ходьбе устремляет свой взор вверх к Творцу. И своим дуновением влагает Он ему душу. Следует ясно осознавать всем, что [Бог], желая сотворить его достойнее и лучше всего иного, что было создано Им прежде, по Своему образу сотворил человека. Поэтому и держал Он совет. ...Славный Царь Господь захотел Своими руками и Своим благодатным дуновением сделать человека достойнейшим и более великим, чем все иное, оказывая честь не столько образу, сколько тому, что это Его образ... Ибо ничем иным не является человек, и не иначе понимается образ Божий и подобие, как то, что [человек] должен иметь душу разумную и мысленную (духовную), наделенную даром слова и бессмертную, обладающую властью и одаренную свободной волей, и ничто на земле не может обладать ею вследствие ее природы...

И единая сущность (материя) сама по себе является составной, то есть образованной сложением и сочетанием четырех стихий. И как животное тело видимо со всех сторон, так же [видимо] и то, что в нем скрыто внутри, то есть душа, с ее помощью

каждое живое существо живет, чувствует и движется. Тело же составлено из четырех стихий, а всему бессловесному животному [роду] душа есть кровь, как сказал создавший все Бог, не [велевший] все есть. Приступая же к созданию человека и давая ему бытие, Он показывает, что [держал] о нем совет и размышлял, специально создав его по Своему образу и подобию. Он хотел объявить, что [человек] является более достойным, чем все то первоначально созданное творение, и что он также не только достойнее [его], но является властелином всего этого, и ради него все создано.

...Вот почему настолько достойнее [душа] человека в сравнении со всякой душой животных. Ведь творец вдунул душу в человека, а душа животного и птицы есть плоть и кровь, [взятая] от земли и от воды. И насколько достойнее и выше Бог влажной и сухой сущности (ибо от воды и земли получили свое бытие души всех бессловесных), настолько выше и достойнее всех бессловесных душ человеческая душа, так как она ни от какой другой материи, но от самого того Творца получила бытие, посредством Его благодатного вдуновения. Ведь сказано «вдунул в лицо ему дыхание жизненное, и стал человек душою живою».

Дух, а не тело есть человеческая душа... У всех животных кровь является душой (кровь заменяет душу), что и определенно объявил Творец, как я уже выше говорил. Кровь же плоть есть, а не дух. Душа же, называемая духом, имеет разумное и мысленное естество, которое явно находится вне всякой телесной материи...

...Душа животного телесна, а потому смертна и бессловесна, умирает вместе с его телом и погибает (исчезает) безвозвратно.

...Душа человека обладает разумным и мысленным естеством. И всякого простого и материального тела она лучше, больше и достойнее. Благодаря этой бесплотности и власти, разуму и мысли мы считаем человека созданным по образу Божьему. И еще: имея стремление к добродетели, приобретает он подобие, по которому становится подобен Богу. И он является владыкой и господином всех живых существ, и тех, которые телом больше его, значительно сильнее, и тех, которые имеют лучшее зрение, потому что он создан по образу Божьему.

И по форме самого тела можно увидеть особенности человеческой души в сравнении с бессловесными животными и всем живым. Ибо всякое живое существо смотрит вниз на землю и на воду, где оно и было создано, а человек один смотрит на высоту. Ведь он является созданием, сотворенным так Божьими руками, да и душа его, будучи бесплотной и имеющей родство горнему творению, то есть тому, что устроено выше небес, бесплотными действиями поднимает все мысли, разум и ум [наверх] и восходит туда...

И ты, имеющий разумную душу, никогда не оказывайся подобным животному ни словами, ни тем более делами, но сохраняй без ущерба свой достойный образ делами, поспеши быть таким, каким тебя создал Бог... Души бессловесных животных располагают только способностями к ощущению и движению, не имеющими и малого подобия Божественному величию, которым обладает человек...

...Все, что появилось прежде человека, который был создан последним, невыразимая Премудрость определила на пользу и счастье человека...

...Таким образом, во время зачатия не одновременно образуется тело с душой, и, когда семя всеяно в утробу, не появляются две сущности – плотская и бесплотная, но сначала создано только тело и потом, по завершении, когда сформируется весь [человеческий] образ, тогда получает от Бога существование душа, она войдет в тело и будет в нем, согласно первой заповеди о первом человеке, как создание и творение премудрого Творца и благодатного Владыки...

...Мы имеем двойственную [природу], то есть мы небесные и земные...

...Ум, разумная и державная сила бесплотной души, как некий правдолюбец, нелицеприятный и непоколебимый судья, или, проще говоря, некий царь, сидящий на высоком престоле, быстро понимает то, что слышит и то, что он видит глазами, воспринимает с помощью восходящего канала, и различает природу каждого предмета, и приемлет сознательно то, что будет на благо и на пользу. И ту двойственность, которая существует в нашем бытии, [ум] разделяет и различает, и дает бесплотному [бесплотное], а вещественному – вещественное, и ни того оному,

ни оного тому не представляя, чтобы не случилось, что творящий недостойное своей власти погубит тем самым самодержавную власть своего царства, если ум будет действовать неправильным образом, с помощью бессмысленного разделения и рассуждения. А если [нечто] покажется не таким, [как надо], и не пойдет на пользу, тотчас отгоняет (отвергает) и отправляет подальше от своего восприятия (от себя). В том же, что приближается к нему, он воспринимает образы родственного и духовного.

Ум сам по себе, то есть своим действием, поднимается на высоту и доходит до небес, видит и созерцает духовные блага в большей или меньшей [степени], в зависимости от своей чистоты, никоим образом не требуя для этого телесных чувств, но, наоборот, отделяясь от них и нисколько не ощущая, что сдерживается ими. К созерцанию же видимых и чувственно воспринимаемых [предметов ум] подходит посредством чувств, сообщая о находившихся перед нами предметами. [Чувства] служат уму, как рабыни, и сообщают, каждое в соответствии со своим природным устройством, назначением и естественной способностью (свойством), о природе того, что следует принимать как хорошее или избегать его. Глаз посредством зрения, или ухо посредством слуха, или нос с помощью силы обоняния, или уста посредством слова, а также вкуса, или осязание с помощью ощупывания [предмета], как своему владыке и царю сообщают и раболепно доносят уму о каждом качестве воспринимаемого [предмета], чтобы затем получить о нем общее представление и отделить [плохое от хорошего] и решить, что [для человека] полезно.

Есть только две способности у разумной и мысленной души, обладающие духовной силой, – ум и рассудок, подобные двум братьям, равным по мощи и мудрости, которые, как отцовское имение, разделяют и раскрывают умение размышлять. Ибо представление есть способность разумной души, которая ничего не прибавляя от себя, [воспринимает все] от внешнего и обогащается тем, что постигает с помощью чувств и памяти в чувственно воспринимаемых предметах, находящихся перед глазами, или с помощью действия слуха и записанного словами, будь то увиденное или услышанное: человек, или конь, или вол, или

нечто неодушевленное, скажем, камень или огонь. Из этого указания становится ясно, что естество [предмета] представлено его именем, человек это, или конь, или вол, или нечто иное остальное, которое было воспринято посредством чувств или сохранено памятью и путем сочетания и наслоения создает представление о чувственно воспринимаемых предметах. А в образовании суждений и понятий участвует память и воображаемое представление (воображение) вместо чувств...

Итак, имеются только две способности разумной души – рассудок и ум. Но рассудок есть направленное на размышление душевное действие, которое с помощью углубленного изучения и расспросов постигает истинную природу предмета, который мы стремимся познать... Поэтому и иные из первых философов называли ум «око душевное», потому что он непосредственно проникает в природу предмета и очень скоро постигает его суть...

...Стоит Адам, а Бог приводит к нему животных... Приведены были животные названные. При этом человек стоял, как царь.

Подобно тому, как выступающие на войну кони отмечаются царским знаком, так и Бог, поскольку хотел придать ему [человеку] власть, сделал так, чтобы человек сам назначал имена, как владыка. Слушай со вниманием. Из имен одни положил Бог, другие – Адам. Бог назвал небо и землю, море, твердь, день, свет, ночь, плод, траву, сено, дерево, роды поведаль, а не виды. Бог сказал: «Птицы, род весь». Адам – имена [животных и птиц]: орел, телец, овца, сей виды, а Тот роды, чтобы не солгало слово Сказавшего: «Сотвори человека по образу Нашему». Бог полагает имена светилам, как-то: Деннице (утренней звезде, Венере?), Плеядам, Ориону. Все это назвал Бог, о чем свидетельствует Давид, говоря: «Исчисляет количество звезд, и всех называет именами их». Бог дает имена вышнему, Адам же – тому, что на земле. Бог называет небо и землю, все ползающее и все остальное, призывает Адама и называет [имя] его «Адам», которое обозначает «огонь», и называет человека. Адам что называет? Имена зверей...

ИЛАРИОН, МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ

(Сер. XI в.)

Иларион – первый киевский митрополит из русских. Он сыграл значительную роль в развитии русской православной церкви, принимал активное участие в политической и культурной жизни своего Отечества.

В сочинениях Илариона, митрополита Киевского, отражается глубокое и всестороннее знание византийского наследия, а именно – сочинений Георгия Амартола, Козьмы Пресвитера, Жития Кирилла Философа, Похвального слова Кириллу и Мефодию, произведений Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского, Василия Великого. Иларион хорошо разбирался в дискуссиях александрийской и антиохийской школ, что нашло отражение в его текстах, хотя ближе ему была первая, также и Новый Завет был для него более значимым, чем Ветхий Завет.

Слово о Законе и Благодати было произнесено, по всей вероятности, 26 марта 1049 г. при освящении храма Святой Софии в Киеве. Иларион определил предметом своих размышлений судьбы всего человечества и Руси, стремился вскрыть основные тенденции и движущие силы исторического процесса. Он впервые озвучивает понятие «Святая Русь», соотнося его с учением о симфонии властей. Сочинения Илариона показывают его как талантливого автора, владеющего искусством оратора.

ТЕКСТЫ

Идейно-философское наследие Илариона Киевского : в 2 ч. М., 1986. Ч. 1.

Иларион. Слово о Законе и Благодати / Иларион. М., 1994. С. 28–101.

Иларион. Молитва / Иларион // Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 102–112.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсова В. Г. Когда и где был поставлен митрополитом Иларион? / В. Г. Брюсова // Герменевтика древнерусской литературы. XI–XVI вв. М., 1989. С. 40–51.

Ионайтис О. Б. Неоплатонизм в русской средневековой философии / О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 2003.

Ионайтис О. Б. Русская средневековая философия и византийские традиции / О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 1999.

Ионайтис О. Б. Философия права в средневековой Руси / О. Б. Ионайтис // Философский словарь по правам человека. Екатеринбург, 2006. С. 592–615.

Козлихин И. Ю. Иларион / И. Ю. Козлихин, А. В. Поляков, Е. В. Тимошина // История политических и правовых учений. СПб., 2007. С. 502–511.

Колесов В. Умное слово в «Слове» Илариона Киевского / В. Колесов // Альм. библиофила. Вып. 26. М., 1989. С. 95–113.

Лихачев Д. С. «Слово о Законе и Благодати» / Д. С. Лихачев // Д. С. Лихачев. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980. С. 33–46.

Новикова Л. И. Русская философия истории / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1999. С. 17–19.

Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о Законе и Благодати» / Н. Н. Розов // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 17. Л., 1961. С. 42–52.

Слово о Законе и Благодати*

О Законе, Моисеем данном,
и о Благодати и истине
в Иисусе Христе явившихся;
о том, как Закон отошел,
а Благодать и истина всю землю исполнили,
и вера на все языки простерлась,
и на наш народ русский.
Похвала государю нашему Владимиру,
им мы крещены были;
молитва Богу от всей земли нашей.
Господи, благослови, Отче!

Благословен Господь Бог Израиля, Бог христианский,
что посетил людей своих и содеял им избавление,
что не дал тварям своим
вечно идольским мраком одержимыми быть
и в бесовском служении гибнуть.
Но сперва Он указал путь племени Аврамову
Законом на скрижалях,
а после Сыном своим все народы спас,

* Извлечения из кн.: *Иларион. Слово о Законе и Благодати.* М., 1994. С. 28–101.

Евангелием и крещением вводя их
в обновление послебытия – в жизнь вечную...

Он один, творящий чудеса,
положил Закон на предуготовление истине и Благодати;
да обвыкнет в нем человеческое естество,
от многобожия идольского уклоняясь,
в единого Бога веровать.

Как сосуд скверный, омовенный водою, да примет человечество
Законом и обрезанием млеко Благодати и крещения;
Ибо Закон предтечей стал и слугой Благодати и истине,
истина же и Благодать – слуга веку будущему, жизни нетленной.
Как Закон приводил подзаконных
к благодетельному крещению,
так крещение сынов своих
впускает в вечную жизнь...

Что дал Закон, и что Благодать?
Прежде Закон, потом она, Благодать.
Прежде лишь тень, потом – истина.
А образ Закона и Благодати – Агарь и Сарра,
рабская Агарь и свободная Сарра,
рабская прежде, потом – свободная...

Родила же Агарь, рабыня, от Авраама, раба от рабыни...
...родила [Сарра] Исаака – свободная свободного.
Как посетил Бог человеческое естество,
уже явилось неведомое и утаенное:
и родилась Благодать – истина, а не Закон, Сын, а не раб...

И изгнаны были иудеи, и рассеяны по странам,
а чада благодетельные христиане наследниками стали Богу
и Отцу.

Как отошел свет луны, когда солнце воссияло,
так и Закон – пред Благодатью явившейся.
И стужа ночная побеждена,
солнечная теплота землю согрела.
И уже не теснится человечество в Законе,
а в Благодати свободно ходит.

Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали,
христиане же при благодетельном солнце свое спасение зиждут;
Ибо иудеи тенью и Законом утверждали себя, а не спасались,
христиане же истиной и благодатью
не утверждают себя, а спасаются.
Ибо среди иудеев – самоутверждение, а у христиан – спасение.
Как самоутверждение в этом мире, спасение – в будущем веке.
Ибо иудеи о земном радели, христиане же – о небесном.
Их самоутверждение иудейское скупое от зависти,
ибо не простиралось оно на другие народы,
оно стало лишь для иудеев,
а христиан спасение благо и щедро
простирается на все края земные...

Так иудейство, хоть и прежде было,
но Благодатью христиане возвысились...

Так же и стало: Закон прежде стал и вознесся в малом
и отошел,
вера же христианская, после приидя, первейшей стала
и распространилась на множество языков.
И Христова Благодать всю землю объяла,
как вода морская, покрыла ее.
И все, ветхое отложив, закоснелое в зависти иудейской,
Нового держится, по пророчеству Исайеву:
«Ветхое минует, и новое вам возвещаю;
пойте Богу песнь новую!»
«Славится имя Его от концов земли,
и выходящими в море, и плавающими
по нему, и на островах всеми».
И еще: «Кто работает ради Меня,
назовется именем новым,
кто благословит на земле, благословят Бога истинного».
Ибо прежде в одном Иерусалиме поклонялись,
Ныне же – по всей земле...

Иудейству положен предел, и Закон отошел –
Жертвы не приняты, киот, скрижали и жертвенник оставлены.
По всей же земле роса: по всей земле вера простерлась,

дождь благодетельный оросил купель воскресения,
чтоб сынов своих в нетленье облачить...

Итак, помиловал благий Бог человеческий род,
и теперь люди во плоти, крещением, благими делами,
сынами Богу и причастными Христу стали...

Лепо Благодати и Истине на новых людей воссиять!
Не вливают ведь, по слову Господню,
вина нового учения благодетельного
в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе.
Ежели просядутся мехи, то вино прольется.
Ведь не смогла Закона тень удержать.
Но многожды идолам поклоняясь,
как истинной Благодати удержать учение?
Но новое учение – новые мехи, новые языки,
и соблюдены будут – оно и они.
Так и есть. Ибо вера благодатная по всей земле простерлась,
и до нашего народа русского дошла.
И Закона озеро пересохло,
евангельский же источник наводнился,
и, всю землю покрыв, до нас разлился.
Вот уже и мы со всеми христианами славим Святую Троицу.
А Иудея молчит.
Христа славят, а иудеев кланут.
Народы приведены, а иудеи отринуты...

И уже не идолослужители зовемся, но христиане;
не без надежды уж пребываем,
но уповаем на жизнь вечную.
И уж не капище сатанинское городим,
но Христовы церкви зиждем.
Уже не даем на закляние бесам друг друга,
но Христос за нас идет на закляние,
и дробим Он в жертву Богу и Отцу.
И уже не жертвенную кровь вкушая, погибаем,
но Христову пречистую кровь вкушая, спасаемся.
Все страны благий Бог наш помиловал,
и нас не презрел – восхотел и спас нас,

и в разум истинный привел...
Прежде были мы, как звери и скоты,
не разумели десницу от шуйцу,
и лишь к земному прилежали,
и даже мало о небесном не пеклись.
Но послал Господь и к нам заповеди,
ведущие в жизнь вечную...

Похвалим же и мы, по силе нашей,
малыми похвалами великое и дивное сотворившего
нашего учителя и наставника
великого государя нашей земли Владимира,
внука старого Игоря,
сына же славного Святослава...

Сей славный – от славных родился,
благородный – от благородных,
каган наш Владимир.
И возрос и окреп – от детской младости
вполне возмужав,
крепостью и силою совершенствуясь,
в мужестве и силе преуспевая.
И единодержцем будучи земли своей,
покорил под себя окрестные страны –
те миром, а непокорные – мечом.
И так, когда он дни свои жил,
и землю свою пас
правдою, мужеством и смыслом,
сошло на него посещение Вышнего,
призрело его всемилостивое око благого Бога.
И воссиял разум в сердце его,
как разуметь суету идольской лести,
взыскать единого Бога,
сотворившего всю тварь,
видимую и невидимую.
Вполне же наслышан был он всегда
о благоверной земле греческой...
И слыша это, возжелал он сердцем,

возгорелся духом,
чтоб быть ему христианином, и земле его.
Так и стало, как Бог изволил о человеческом естестве.
И совлек с себя каган наш,
вместе с ризами, ветхого человека сложил тленное,
стряхнул прах неверия.
И влез в святую купель,
и породился от Духа и воды,
в Христа крестившись, в Христа облачился;
и вышел из купели, обеленный,
сыном став нетления,
сыном воскресения,
имя приняв навечно
именитое из рода в род – Василий...
...но подвигся далее, заповедав по всей земле
креститься во имя Отца и Сына и Святого духа,
и ясно, и велегласно во всех градах
славить Святую Троицу...
Тогда начал мрак идольский от нас отходить,
и зори благоверия явились.
Тогда тьма бесслужения погибла,
и слово евангельское землю нашу осияло.
Капища разрушались,
а церкви возводились;
идолы сокрушались,
а иконы святых являлись;
бесы убегали –
крест грады освятил.
Пастыри словесных овец Христовых, епископы,
стали перед святым алтарем,
жертву бескровную вознося.
Попы и дьяконы, и весь клир
украшили и в лепоту одели святые церкви.
Апостольская труба и евангельский гром грады огласили
Фимиам, Богу воспускаемый,
очистил воздух,
монастыри на горах встали,
черноризцы явились.
Мужи и жены, малые и великие восславили Его...

...А тобою [князем Владимиром] мы прозрели для света
трехсолнечного Божества...

Ты правдою облачен, крепостью препоясан,
истиною обвит, смыслом венчан,
и милостынею, как ожерельем,
и убранством златым красуешься.

Ты стал, о честная глава, нагим – одеждой.

Ты стал алчущим – кормитель...

Ты стал вдовицам помощник.

Ты стал странникам пристанищем.

Ты стал бездомным – кровом.

Ты стал обиженным заступником,

Бедным – обогащением...

ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ

(30-е гг. XI в. – 1074)

Видный церковный деятель, один из основателей иночества на Руси и Киево-Печерской лавры (с 1062 г. игумен), автор нескольких поучений, посланий и молитвы.

Большинство поучений посвящено рассмотрению нравственной проблематики – «О терпении, и о любви, и о посте», «О терпении и милостыне», «О душевной пользе» и т. п. Сочинения Феодосия Печерского отражают ранний период становления христианства на Руси, формирование новой антропологии и этики. Главными характеристиками бытия человека выступают такие понятия как «сердце» и «любовь».

Феодосий Печерский утверждает, что как бы ни был прекрасен мир, вершиной творения все же является человек. Осознание этого должно сделать человека счастливым, смелым, гордым и открыть неограниченные перспективы для совершенствования и творческой деятельности.

ТЕКСТЫ

Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского / И. П. Еремин // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 5. Л., 1947. С. 159–184.

Почуения Феодосия Печерского // Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1987. С. 58–69.

Послания Феодосия Печерского князю Изяславу Ярославичу // Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: XI–XIII вв. СПб., 1992. С. 14–29.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. / В. С. Горский. Киев, 1988.

Гудзий Н. К. О сочинениях Феодосия Печерского / Н. К. Гудзий // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 62–66.

Ионайтис О. Б. Неоплатонизм в русской средневековой философии / О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 2003.

Ионайтис О. Б. Русская средневековая философия и византийские традиции / О. Б. Ионайтис. Екатеринбург, 1999.

Новикова Л. И. Русская философия истории / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1999. С. 15–17.

Склярук В. И. К биографии Феодосия Печерского / В. И. Склярук // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 41. Л., 1988. С. 317–323.

Слово о терпении, и о любви, и о посте*

Много раз друзей я прогонял, боясь искушения: пусть уходят, пока не получают святой тот дар. То, что делаю, не понимаю, убогий! Если же я замолчу из-за вашего роптания, угождая вам из-за вашей слабости, то камни возопят. Не я говорю, но они – всей Вселенной просветители, столпы истины, насадители правой веры, наставники всему доброму благодарию, вожди верные и светила неугасимые.

Ныне же печалимся и скорбим о тех, узнавших Бога, о которых нам бы радоваться и хвалу за которых возносить благому Владыке. Ведь не осудил он пришедших в 11 часов за их промедление, но награду других даровал им – награду тех, что работали с утра, но возроптали на владельца виноградника.

Друг, не обижу тебя! Не так ли мы сговорились с тобою? И не могу ли я делать среди своих так, как я хочу?! Ныне же я, ничтожный, умом постигнув заповеди благого владыки, говорю

* Извлечения из кн.: Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1987. С. 65–66.

вам: приличествует нам от трудов своих кормить нищих и странников, а не пребывать в праздности, переходя из кельи в келью. Слышали ведь Павла, сказавшего: «Нигде я даром хлеба не ел, но ночью работал, а днем проповедовал», и «руки мои послужили и мне и другим», и опять же «Пусть не будет есть праздный». Мы же ничего этого не делаем. Если бы благодать Божия простерлась над нами и не кормила бы нас приношениями благолюбивых людей, то что бы мы стали делать, глядя на свои труды. А еще говорим: ради нашего спасения или поста, или бдения это все нам приносят. А за всех за приносящих ни одного раза не поклонимся. Слышали ведь притчу о десяти девах мудрых и пяти несмышленных. Как вещает святое Евангелие: мудрые же девство соблюли и светильники свои украсили милостынями и верою, и вошли в чертог радости, никем не возбраняемый для них. Другие же, которых нарекаем несмышлеными, хотя и соблюли девственную печать, хотя постом, бдениями и молитвами истончили плоть свою, но масла милостыни не принесли в светильниках своих душ, поэтому изгнаны были из чертога. И тогда стали они искать того, кто подает милостыню нищим, но не нашли, так как затворились двери человеколюбия Божьего.

Так не следует ли и нам, возлюбленные, от посланных Богом на пользу душам и телам нашим приношении людей боголюбивых не только себе все брать, но и другим нуждающимся подавать?! «Лучше, — говорит апостол, — давать, чем брать», «блажен, — говорит, — заботящийся о нищих и убогих: в день Страшного Суда помилует их Господь», и опять: «Блаженны милостливые, ибо только они помилованы будут». Да не уподобимся тем ропшущим, что чрева ради пали в пустыне...

И как же мне не стенать и не печалиться, возлюбленные мои, слыша все то от вас. Если бы мог, обратил бы к вашим чувствам такое пророческое слово: «Кто даст главе моей камения и очам моим источник слез, чтобы плакаться день и ночь за дочерей людей моих»... И чего мы лишились, братья мои и отцы? Что вы принесли из своего имущества в это место или чего я требовал от вас, принимая в обитель сию? Чего нас лишило человеколюбие Божие? Не все ли дается нам молитвами святой Богородицы?! Поэтому молюсь о вас от всей души, возлюбленные